

Солнечная Душа

Олег Поскрёбышев

Воспоминания о человеке и поэте

Стихи

Письма

Дневники

Ижевск

2009

УДК 821.511.131
ББК 83.3 (2=Удм)
С 60

Солнечная душа. – Ижевск, 2009. – 560 с., ил.

Книга подготовлена при организационной и финансовой поддержке Президента Удмуртской Республики А. А. Волкова

В книге использованы стихи О. А. Поскрёбышева разных лет

«Солнечная душа» – книга воспоминаний о народном поэте Удмуртии Олеге Алексеевиче Поскрёбышеве. Перед читателями предстаёт многогранная личность, наделённая, помимо великого поэтического дара, талантом быть Человеком с большой буквы. В книге также опубликованы интервью, дневники, письма, фотографии разных лет.

ISBN-978-5-87469-157-8

© Поскрёбышева З. И.,
Поскрёбышева В. О.,
Поскрёбышева Е. О.
– составление, 2009

Смотри на мир окрестный, и возможность для вдохновения всегда найдётся.

(Газета «Неделя Удмуртии», 12 ноября 1998 г.)

Александр Шкляев

Поэт-философ, поэт-публицист

Ещё не всё написанное Олегом Алексеевичем собрано, и трудно сказать, использовал ли он где-нибудь сюжет, который рассказал мне с Павлом Куляшовым во время нашей поездки в Ярский район. Кажется, это было поздней осенью, когда уже выпал снег, но точно то, что это было в преддверии подготовки к Олимпийским играм в Москве, значит, в конце 1979 года. Время это запомнил потому, что в Яру, в хозмаге, мы – Олег Алексеевич, Павел Фёдорович Куляшов и я – купили по набору хрустальных фужеров с олимпийской символикой: вложенными друг в друга пятью олимпийскими кольцами. Товары с такой эмблемой продавались со значительной наценкой: выручка поступала в фонд Олимпийских игр. Каждый бокал стоил 10 рублей, что по тем ценам было довольно дорого; шесть фужеров – 60 рублей – половина тогдашней нашей зарплаты. Я засомневался, стоит ли покупать такую дорогую вещь. Но Олег Алексеевич так расхвалил эти фужеры, что и я не удержался, приобрёл за компанию, и коллеги мои пошутили, что не грех и потратиться на общепатриотическое дело. С тех прошло уже много-много лет, но каждый раз, во время приёма гостей выставляя на стол эти фужеры – настоящее произведение искусства, мы в семье восхищаемся ими и вспоминаем Олега Алексеевича с благодарностью за его высокий вкус и дельный совет.

Но дело не в хрустальных фужерах. В ту поездку Олег Алексеевич рассказывал нам истории из своих выступлений. А выступал Олег Алексеевич очень много. Тогда никто, как он, разве что кроме Владимира Романова, не читал свои стихи так вдохновенно и артистично, вкладывая в них всю свою душу. Вспоминая, как Олег Алексеевич выступал и сколько душевной энергии отдавал, я думаю, потому он и заболел так рано.

Ничто не проходит даром. Здесь следует пояснить, что Олег Алексеевич был поэтом-профессионалом, или, как говорят, свободным художником, то есть он не был на какой-либо службе, его рабочим местом был письменный стол и читательская аудитория. Хотя в советские времена пишущим людям платили довольно приличный гонорар, всё же и его не хватало на жизнь. Нужно было выдерживать этот высокий темп: и книгу выпустить хотя бы раз в два года, и в газетах и журналах постоянно публиковаться, и перед аудиторией выступать. Таких писателей, которые жили именно за счёт своего творческого труда, называли профессиональными писателями. Не потому, что другие были ниже по профессиональному уровню, а именно потому, что эти писатели жили только своим литературным трудом. Конечно, Олег Алексеевич выступал не только ради заработка, ему это было необходимо для того, чтобы чувствовать своего читателя. Он выступал перед школьниками, учителями, студентами, колхозниками, в рабочих аудиториях, даже в тюрьмах перед заключёнными. И у Олега Алексеевича, конечно же, накопилось много наблюдений над характером этих разных аудиторий. Так вот, рассказывал нам Олег Алексеевич, направили его однажды в какой-то дальний леспромхоз читать стихи перед лесорубами. Явился он к директору, представился, что вот он, поэт, послали его по линии общества «Знание» читать стихи. Директор был крайне растерян.

– Да знаете, – говорит, – мы же работяги, после работы все усталые, вряд ли кто-то захочет слушать стихи, не для нашего брата это.

– Ну хорошо, – говорит Олег Алексеевич. – Раз уж приехал, давайте попробуем, как-то надо бы собрать ваших работников, если это несложно.

– Хорошо-хорошо, – нехотя соглашается директор, – вот сами увидите.

После работы лесорубы собрались в своём клубе, в ватных фуфайках, угрюмые, злые, что их чуть ли не насильно собрали, расселись вальяжно, откинувшись на спинки стульев. Ждут, что им скажут в очередной раз, какие казённые речи будут «толкать». Пришёл и директор – то ли из интереса, то ли попереживать за свой коллектив или убедиться в правоте своих слов. И вот Олег Алексеевич читает одно

стихотворение, другое. Видит, зал оживляется, слушает. Потом Олег Алексеевич замечает, что лесорубы оторвались от спинки стульев. Значит, зацепил – таки он свою аудиторию, есть контакт. А к концу выступления, заметил Олег Алексеевич, зал слушал, уже весь подавшись к сцене вперёд, казалось, ни одно слово не пропадало, всё в цель, всё в сердце и душу.

Олегу Алексеевичу была подвластна любая аудитория, он открывал всех, потому что каждый раз он говорил на языке своих слушателей, каждый раз в его репертуаре находились такие стихи, которые были нужны именно сидящим перед ним людям. Правда, одна неблагодарная аудитория, по словам Олега Алексеевича, всё же была – это контингент исправительно-трудовых лагерей (ИТП), в которых лечивали алкоголиков. «Никакого отклика, ни искорки в глазах, мёртвые души, – сетовал Олег Алексеевич. – Алкоголь так деформирует, так опустошает людей, что им, видимо, уже ничего не нужно, ничего не интересно».

Помню один из прекрасных поэтических вечеров Олега Алексеевича – его юбилей в зале филармонии. Поэта поздравляли его многочисленные читатели-почитатели: министры, учителя, коллеги, мастера, рабочие и т. д. Он весь был окружён цветами. В ответ на поздравления он читал то своё стихотворение, которое подходило именно к этой ситуации, именно к этому человеку. На глазах происходил удивительный диалог поэта со своей аудиторией. Помню, как поздравить поэта вышла Антонина Михайловна Лисина, тогда заместитель председателя Совета Министров Удмуртии. Она не успела ещё подойти к микрофону, а Олег Алексеевич уже читает стихи о белой черёмухе. И впрямь эти стихи были к месту: перед поэтом стояла женщина – стройная, в белоснежном костюме, с роскошным букетом цветов. Объявляют для поздравления представителей ижевской теплоэлектростанции, и Олег Алексеевич уже читает стихи о работниках ТЭЦ, чьё дело – «согреть людей...».

И весь вечер так. Любому у Олега Алексеевича находились стихи. Диапазон тем его творчества так широк, в стихах его столь много типичных жизненных ситуаций, что ему перед любой аудиторией, для любого человека было что сказать. Поэт сам исходил пути-дороги своих читателей, пережил их трудности и моменты взлёта. Он сам знал

и крестьянский труд, и лесоповал, и военную службу, под-
ростком участвуя в строительстве железной дороги Ижевск
– Пибанышур. Поэт «некрасовской школы», он находил сло-
ва сочувствия и сострадания трудовому человеку. Он мог
обобщить частный факт, жизненный случай так, что перед
людьми будто падали завесы и открывались новые гори-
зонты. В пережитое человеком он вносил высокий поэти-
ческий дух.

В нём жили поэт-публицист и поэт-философ. Это заме-
чательно уловил автор монографии «Олег Поскрёбышев.
Художественный мир поэта» (Ижевск, 1993 г.) Вячеслав За-
харов. «...На примере лучших стихотворений видно, как
лирика прямого назидательного характера, лирика итогов
сменяется лирикой изображений процессов духовной жиз-
ни в её вечной неразгаданности и неокончателности... В
неокончателности суждений открывается сложная правда
жизни и возможность её додумывания...»

Эти две линии – публицистическая и философская – в
принципе продолжались у Олега Алексеевича на протяже-
нии всего его творческого пути.

И в повседневной жизни Олег Алексеевич был далеко не
равнодушным человеком. Не один семинар провёл он с мо-
лодыми поэтами. К сожалению, мне не удалось слушать его
уроки мастерства, но на заседаниях правления Союза писа-
телей он всегда заступался за молодых собратьев.

Помню, как он просил обратить внимание на молодого
поэта из рабочих, а именно на его стихи о погибших сол-
датах, и помню процитированные Олегом Алексеевичем
строки о павших солдатах, которые остались на поле боя и
«... берегут страны покой: от погибшего комбата нет прика-
за им домой».

Впрямь это потрясающие стихи. Именно на них указал
Олег Алексеевич. Жаль, что даже при такой поддержке, по-
видимому, что-то помешало молодому поэту продолжить
путь своих поисков. А вот как отозвался Олег Алексеевич
о стихах Маргариты Зиминой, давая ей напутствие при её
первой большой публикации: «Стихи М. Зиминой – очень
женские, но женские в самом сердечном смысле. Это, мож-
но сказать, духовная биография женщины, самым жизнен-
ным, материнским предназначением обязанной быть бо-
лее тонкой, более чувствительной и даже более ранимой,

чем мужчина». Всем последующим творчеством Маргарита Зими́на подтверждает эти слова.

Олег Алексеевич не был баловнем судьбы, таким богемным поэтом, которому всё даётся легко и быстро. Нет, он работал, можно сказать, засучив рукава, упорно, поднимая пласт за пластом из пережитого своим поколением. Поистине он был поэтом-пахарем и настраивал на такую работу молодых. Рассказал как-то: выступали в Воткинске с местными поэтами. Один из молодых прочитал стихи, понравились они слушателям, и Олег Алексеевич их одобрил, а тот прямо перед публикой стал хвалиться, дескать, да это так себе, написал он их в один присест, а если постарается, то и десяток таких стихов запросто накропает, даже лучше. Олег Алексеевич, рассказывал, был так разочарован, что попросил после вечера задержаться молодого поэта и попенял ему, что нельзя так легкомысленно относиться к своему делу: литература – тяжкий труд, требует отдачи всей души, постановки и решения сверхзадач, и если так легко у него всё получается, пусть возьмёт ещё большую высоту.

На первый взгляд казалось, что Олег Алексеевич поэт-единоличник, работает себе дома, дела коллектива мало его волнуют. Но это было до поры до времени. Когда заходила речь о серьёзных вопросах, судьбе той или иной рукописи, оценке произведения, Олег Алексеевич никогда не оставался в стороне. На различных собраниях, заседаниях правления послушает, взвесит и скажет веское слово. Именно поэтому все ждали его слова, которое, как правило, становилось решающим.

Как-то обсуждали мою первую книгу после многочисленных жалоб одного из сутяжных литературоведов в обком партии, будто я в своей научной работе отхожу от ленинских принципов в исследовании литературы. И вот тот же мой недоброжелатель снова приводит свои доводы, будто я неуважительно отношусь к классикам, что я слишком много цитирую забытых, малозначительных литераторов 20-х годов.

Выступали многие, но мне особенно важно было услышать мнение Олега Алексеевича как авторитетного и объективного человека. Послушал-послушал Олег Алексеевич, взял слово и говорит: «Многие фамилии в этой книге я встретил впервые. [Сегодня] существуют только их фами-

лии, а их книги уже не издаются. И, видимо, нужно было какие-то отрывки включать из их произведений, оценки критиков по их произведениям. Для меня, как русского читателя, книга полезна. Улавливается движение, развитие литературы. Я не согласен с Черновым в том, что под всеми этими строками стоит автор и как бы поучает писателей 20-х годов. Я не чувствую, что автор поучает их. Говорили об отрицательном отношении автора к лучшим удмуртским писателям. Но я чувствую, что автор, наоборот, пишет о Герде [например] с явной симпатией» (протокол заседания правления СП УАССР совместно с секцией критики при СП УАССР от 13 июня 1980 г.). Сухой протокольный язык отражает только суть сказанного, но я помню, как горячо тогда выступил Олег Алексеевич, и его слова были для меня особенно дороги, потому что прозвучали они как итог ко всему уже сказанному.

Вообще Олег Алексеевич своей мудростью и чувством такта на заседаниях правления или на общих собраниях Союза писателей всегда был балансирующей примиряющей силой, не позволяющей брать верх групповщине и горлопанству. А скольких удмуртских поэтов перевёл Олег Алексеевич на удмуртский язык, как часто он обращался в своих стихах к удмуртской тематике! С Павлом Куляшовым мы составляли для московского издательства «Современник» сборник «Край родниковый». Рукопись возвращали несколько раз: не хватало весомых стихотворений, в которых бы находила отражение судьба республики. Редактор каждый раз наставлял, чтобы в них была и история, и современность, и вклад в победу на войне. По каждой теме нас выручали стихи Олега Алексеевича. Так в этот сборник попали «Радищев. Ночлег у удмурта», «Баллада о ночной трубе», «Баллада о ружейных ложах», «Корчевали бабы пни», «Пни», «Новогодние пельмени», «О память, грустная ночная птица», «Три желанья», «Ижевский блюминг», «Сплав на реке Чепце», а также его очерк «Завтра стучится в дверь».

Сказав многое об Удмуртии, стране, своём поколении, Олег Алексеевич оставил нам образ своей маленькой деревни Бани подобно тому, как оставили нам образ Оленино – Владимир Солоухин, Тимонихи – Василий Белов, Овсянки – Виктор Астафьев.